

Г Р Ъ Х Ъ.

(Изъ Лютардта).

Общность зла и смерти. Общность грѣха. Общность его послѣдствій. Внутренній разладъ. Самолюбіе, какъ сущность грѣха. Безсиліе воли въ отношеніи грѣха. Вина.

Грѣхъ и милосердіе—вотъ два великіе факта, составляющіе средоточіе всего христіанскаго ученія. Кто пойметъ эти факты: грѣхъ человѣка и милосердіе Божіе, тотъ понялъ все христіанство, потому что въ сущности все христіанство основывается на этомъ.

Въ настоящій разъ мы будемъ говорить о грѣхѣ. Зло, грѣхъ и вина,—эти три силы жизни тѣсно связаны между собою.

Мы не можемъ вспомнить о грѣхѣ безъ того, чтобы передъ душой нашей не возсталъ цѣлый міръ золь и страданій, о которыхъ человѣчество вздыхаетъ цѣлые вѣка.

Правда, бываютъ мгновенія, въ которыхъ это ощущеніе исчезаетъ, мгновенія свѣтлой радости и жизненнаго веселія, когда весь широкій міръ кажется намъ такъ ясенъ и прекрасенъ, какъ будто никогда тѣнь печали не проносилась надъ нимъ и не затрогивала нашу душу; но намъ это такъ кажется въ подобныя минуты, въ сущности же оно не такъ; мы только забываемъ о жизненныхъ страданіяхъ, а они изъ міра не исчезаютъ. Когда съ этой ясной высоты, на которой міръ намъ казался такъ свѣтлымъ и прекраснымъ, мы нисойдемъ къ

дѣйствительности человѣческой жизни, то увидимъ, что все полно страданія, горя и печали.

Говорятъ, что въ природѣ—спокойствіе. Но это не справедливо. Древній глубокомысленный философъ Гераклитъ называлъ раздоръ отцемъ всѣхъ дѣлъ, и когда мы наблюдаемъ жизнь природы, то видимъ, что въ ней господствуетъ та же борьба, какъ и въ человѣческой жизни. Здѣсь непрерывно дѣйствуютъ силы разрушенія, и кто духомъ своимъ углубился бы въ это созерцаніе, тотъ могъ бы усумниться въ премудрости и благодати Божіей. Апостолъ Павелъ изображаетъ въ трогательныхъ словахъ, какъ и неразумная природа вздыхаетъ о будущемъ спасеніи (Рим. 8, 19). Скажутъ, что мы передаемъ ощущенія собственной души; пусть такъ,—значитъ, мы носимъ въ себѣ это ощущеніе; и по крайней мѣрѣ для человѣческаго міра зло есть общій фактъ. Съ тѣхъ поръ какъ люди живутъ на землѣ, съ тѣхъ поръ, какъ они начали мыслить, умъ ихъ преслѣдуетъ вопросъ о корнѣ зла: гдѣ источникъ зла? гдѣ источникъ страданія? Можно сказать, что всѣ религіи—отвѣтъ на этотъ вопросъ, попытка на отвѣтъ, по крайней мѣрѣ древнѣйшія и глубокомысленнѣйшія религіи. Древнѣйшая философія есть индійская философія Ведъ. Тема ея—существованіе зла. Самое распространенное вѣрованіе есть религія Будды. Начало ея—страданіе земнаго существованія. Младшій философъ нашего вѣка,—Шопенгауеръ, философъ Франкфурта; умъ его постоянно занятъ вопросомъ о злѣ. Лейбницъ представилъ ученіе о лучшемъ мірѣ, Шопенгауеръ называетъ это горькой ироніей надъ безыменными страданіями человѣка. Тема его философіи—воплъ жизни. Могутъ какъ угодно судить о философіи и религіи, по крайней мѣрѣ одинъ фактъ вѣренъ, и этого довольно,—жизнь наша есть путь къ смерти.

Со всѣхъ сторонъ насъ окружаютъ свидѣтели господства смерти. Черезъ всю природу проходитъ непрерывная

смерть. Она касается всѣхъ насъ въ нашемъ ощущеніи. Когда уничтожалась красота весны, естественныя религіи древняго міра издавали смертную жалобу объ умершемъ любимцѣ боговъ и людей: они оплакивали умирающую природу.

Теперь ощущенія наши въ этомъ отношеніи не такъ живы, какъ въ тѣ минувшіе дни, но уничтожить совершенно въ душѣ своей это горькое чувство мы не въ состояніи. И поэты нашего времени воспѣваютъ жалобу о скоротечности.

«Скоротечность, какъ бушуютъ твои волны»!

Не одна природа подлежитъ закону смерти; не менѣе я и исторія народовъ. Что осталось отъ твореній человѣческаго величія прежнихъ временъ? Нѣсколько развалинъ и прахъ, развѣваемый вѣтромъ. Пыливый умъ западныхъ ученыхъ разыскиваетъ исторію великихъ царствъ прежняго времени на муссорахъ пустыни. Вездѣ мы чувствуемъ подъ ногами пепелъ прошедшаго.

А мы сами, какъ бы прекрасна ни была наша жизнь, какъ бы она ни была счастлива, какъ бы долго ни продолжалась она.... одно мгновеніе уничтожаетъ все! Что наконецъ отъ всѣхъ насъ остается, и отъ самаго счастливѣйшаго изъ насъ? Горсть пыли, орошенная нѣсколькими слезинками. Вотъ нашъ конецъ. Мы исчезаемъ.

И мы исчезаемъ не такъ только, какъ умирающій цѣтокъ, или какъ неразумное животное оканчиваетъ свое существованіе; мы знаемъ, что умираемъ и должны пережить смерть въ ощущеніи нашемъ. И если бы это была одна только смерть! Но какими страданіями она часто сопровождается! Мы восхваляемъ людей павшихъ на полѣ битвы за честь и отечество; но кому извѣстны муки, невыразимыя муки, происходящія на полѣ битвы, когда ночь набрасываетъ свое покрывало, или когда освѣщаетъ ихъ солнце слѣдующаго дня? И то, что представляется глазамъ нашимъ, не

есть еще самое ужасное; страшнѣе же скрытыя страданія, нѣмое отчаяніе, которое, можетъ быть, ищетъ самой смерти, какъ спасенія отъ невыносимыхъ мукъ. И кто сочтетъ слезы покинутыхъ, и кому извѣстны осиротѣлыя семейства и ихъ погибшее счастье? Чтобъ познать смерть, нѣтъ надобности вступать на кровавое поле сраженія. Вездѣ мы ее встрѣчаемъ. Каждый день говоритъ намъ о ней, и каждая разлука съ жизнью проповѣдуетъ намъ о томъ, что такое смерть.

Смерть есть не только актъ, но и процессъ,—процессъ наполняющій всеобщую жизнь. Жизнь наша есть постоянное, но медленное умираніе. Вся наша жизнь есть жизнь страданій тѣла или души. Жизнь одного менѣе полна страданій, другаго—болѣе, но ни одна не лишена ихъ. Жизнь безъ страданій была бы жизнь безъ любви, потому что любовь есть сочувствіе. Поэзія—зеркало жизни; если же мы отнимемъ страданіе у поэзіи,—что въ ней останется? Всякая великая поэзія полна страданій, потому что жизнь полна ими.

Соціалистъ Прудонъ называлъ систему свою *la philosophie de la misère*—философія страданій. Соціализмъ и коммунизмъ могутъ быть названы мечтаньями, но они основаны на предположеніи, которое не мечта, а дѣйствительность,—дѣйствительность человѣческихъ бѣдствій. Торжество современнаго христіанства есть внутренняя миссія. Это великое благословенное дѣло—не что иное, какъ борьба съ разнообразными бѣдствіями, но вообще борьба сильная, потому что бѣдствіе слишкомъ могущественно. И какое раздирающее душу бѣдствіе! Страданіе бѣдныхъ, оставленныхъ, изгнанныхъ и падшихъ. Если бы можно было однимъ взглядомъ окинуть всю сумму страданій, еслибъ вдругъ можно было почувствовать все то состраданіе, котораго требуютъ эти бѣдствія,—я думаю, можно было бы умереть отъ этого, потому что они не исчислимы.

Можемъ-ли мы сказать, что это правильный ходъ вещей? Тогда бы мы противорѣчили нашему искреннѣйшему чувству. Есть голосъ въ насъ, который говоритъ, что страданія наши—въ связи съ нашимъ грѣхомъ. Богъ сдѣлалъ страданіе спутникомъ грѣха. Божественный нравственный мировой порядокъ соединяетъ ихъ между собою.

Въ картинѣ человѣческихъ бѣдствій я позабылъ бы существеннѣйшую черту, если бы не заговорилъ о нравственныхъ бѣдствіяхъ. Они представляются намъ въ различнѣйшихъ образахъ.

Гражданское общество находится въ непрерывной и опасной борьбѣ съ рѣшительнымъ и опаснымъ врагомъ, котораго оно никогда не побѣдитъ совершенно,—это преступленіе. Бываютъ времена и состоянія, въ которыя оно мужественнѣе поднимаетъ голову, чѣмъ въ другія, но никогда не перестаетъ оно быть ужасомъ благомыслящихъ и искушеніемъ нравственно-слабыхъ. Видъ его многообразенъ, потому что многообразны страсти, дремлющія въ груди человѣка и прорывающіяся въ дѣлахъ ненависти, насилія, алчности, въ горячкѣ сластолюбія. Есть преступленія отдѣльныхъ лицъ и преступленія народовъ. И исторія отдѣльныхъ семействъ и родовъ сопровождается проклятіемъ, и исторія человѣчества обозначается преступленіемъ. И, если мы остановимся въ самомъ узкомъ кругу,—сколько преступленій заключаетъ въ себѣ только одинъ изъ нашихъ большихъ, блестящихъ городовъ! И сколько ихъ покрываетъ каждая ночь своимъ покровомъ!

Скажутъ, можетъ быть, что это отдѣльныя язвы на тѣлѣ человѣчества? Пусть такъ, но онѣ доказываютъ, что тѣлесные соки испорчены. Мы сами не преступники, но преступники наше тѣло и кровь. Они по крайней мѣрѣ показываютъ, какъ глубоко можетъ упасть человѣкъ. Онъ бы не могъ этого сдѣлать, если бы уже не былъ падшимъ. Не

было бы преступленія, если бы не было грѣха. Грѣхъ же есть всеобщее могущество.

Доказывать это значило бы воду носить въ море. Всѣ поэты и мыслители всѣхъ временъ доказываютъ и оплакиваютъ могущество грѣха. Всѣ религіи занимаются вопросомъ о грѣхѣ, его происхожденіи и устраненіи. Съ давнихъ поръ умъ человѣческій поставилъ себѣ вопросъ: откуда зло? Отвѣтъ, который на это даетъ христіанское ученіе, есть самый простой и единственно возможный. Если бы мы сказали, что Богъ создалъ человѣка грѣшнымъ, это значило бы отрицать божественную святость и любовь, или признавать, что нравственная чистота—цѣль человѣка, а не его начало. Тогда бы мы приписывали Богу правило, которое ап. Павелъ проклинаетъ: «будемъ творить зло, чтобы выходило добро». Грѣхъ не есть что либо первоначальное. Много уже написали сочиненій о началѣ зла, но ни одного еще о началѣ добра. Почему же это? А потому, что существуетъ не произвольное предположеніе, что добро соединено съ началомъ. Такимъ образомъ грѣхъ и зло сдѣлались историческими.

Какимъ образомъ дошли мы до грѣха? Есть ли это необходимый продуктъ нашей чувственной природы? Такъ говорить раціонализмъ, но онъ заблуждается. Никто не можетъ отрицать могущества чувственности; всѣ мы ее ощущаемъ. Тѣлесные грѣхи были погибелью древняго міра; они же и нынѣ опустошаютъ нашъ родъ. Имъ принадлежитъ большое поприще грѣха, но не все. Высокомѣріе, честолюбіе, гордость, самоуправство, самолюбіе не суть грѣхи чувственности. Грѣхъ проникъ гораздо глубже тѣла и его членовъ. Это нравственная сила, которая не менѣе присуща нашему духу, какъ и нашему тѣлу. Онъ—переворотъ нашей воли; онъ принадлежитъ нашей духовной, а не физической природѣ; иначе и борьба противъ него была бы не духовная, а физическая.

Можно какъ угодно умерщвлять свое тѣло, но этимъ нельзя уничтожить грѣха; можно убить самого себя, но этимъ не убьешь грѣха, потому что не убьешь души. Грѣхъ происходитъ не отъ чувственности.

Или, можетъ быть, онъ происходитъ отъ нашей тлѣнности? Не потому ли мы грѣшны, что мы не совершенныя существа, что мы творенія, что мы не боги? Такъ учили философы, подобные Якоби, и такова обыкновенная отговорка, оправдывающаяся слабостью человѣческой природы. Какъ? развѣ я долженъ быть Богомъ, чтобы быть безгрѣшнымъ? Мы жаждемъ спасенія отъ этого рабства, самого недостойнаго изъ всѣхъ, и мы надѣемся на время освобожденія отъ него; но и въ вѣчности мы останемся существами конечными. Въ чемъ заключается наше нравственное совершенство? Въ томъ, что мы любимъ Бога отъ всей души и носимъ въ себѣ Его образъ и подобіе. Этому препятствуетъ не наша конечность, а грѣховность наша, не то, что мы творенія, а то, что мы падшія творенія. Начало грѣха не въ тлѣнности нашей.

Или, быть можетъ, грѣхъ—необходимый законъ земнаго существованія, неизбѣжное противодѣйствіе на пути совершенства? Такъ учили въ школахъ Гегеля. Вся жизнь, говорятъ, состоитъ изъ противорѣчій—изъ *да* и *нѣтъ*. Такъ и нравственная жизнь. *Да* и *нѣтъ*—дурное богословіе, говоритъ Шекспиръ. Грѣхъ есть то, что не должно было быть; законъ не можетъ быть необходимостью. Могутъ какъ угодно доказывать намъ его необходимость, совѣсть наша будетъ отрицать это. Грѣхъ не есть переходная степень добра, но противорѣчіе ему; зло не есть тѣнь добра, но врагъ его, и добро не есть мать зла, но судія его. Люди говорили съ гордостью, что вслѣдствіе перваго грѣха человѣкъ только пришесть къ сознанию своей свободы и вполне сдѣлался чело-

вѣкомъ. И Шиллеръ заблуждался въ такихъ мысляхъ, а въ школѣ Гегеля это восхваляли за мудрость. Но грѣхъ не есть возвышеніе человѣка, а его паденіе; онъ не достоинство человѣка, а его безчестіе; онъ дѣлаетъ его не изъ животнаго человѣкомъ, а изъ человѣка животнымъ. Онъ есть актъ его свободы, но злоупотребленіе ея. Въ этомъ одномъ заключается отвѣтъ на вопросъ о началѣ зла: оно есть злоупотребленіе свободы. Свобода принадлежитъ существу человѣка. Свобода заключаетъ въ себѣ возможность противленія Богу. Но возможность эта не есть необходимость. Актомъ свободы своей человѣкъ сдѣлалъ возможность дѣйствительностью. Свобода была даромъ Божиимъ, а злоупотребленіе ея—дѣло человѣка.

Во всѣхъ народахъ живетъ болѣе или менѣе ясное воспоминаніе о паденіи въ началѣ исторіи. Вездѣ мы встрѣчаемъ сказанія о лучшемъ состояніи первыхъ дней нашего рода; вездѣ отголосокъ повѣствованія св. Писанія объ искушеніи, которое пришло извнѣ къ человѣку, и о томъ, что человѣкъ поддакъ этому искушенію, и что это давнее паденіе имѣетъ вліяніе на участь рода человѣческаго и его существованіе на землѣ. Это темныя, сбивчивыя воспоминанія, сохранившіяся въ памяти народовъ, но все же это воспоминанія. И если ихъ сравнить съ повѣствованіемъ Писанія, то легко можно узнать, что они служатъ къ подтвержденію его. Прямая простота библейскаго повѣствованія явно показываетъ, что преданіе, которое здѣсь изложено, есть средоточіе и первоначало всѣхъ тѣхъ преданій, которыя на пути своемъ въ различныхъ странахъ, у различныхъ народовъ приняли такой фантастическій видъ. И древняя философія своеобразно свидѣтельствуетъ объ этомъ. Платонъ говоритъ о воспоминаніяхъ, которыя душа носитъ въ себѣ,—воспоминаніяхъ о первоначальномъ высшемъ созерцаніи не-

бесной красоты, отголосокъ котораго въ таинственной глубинѣ ея внутренней жизни сопровождаетъ ее въ это мрачное, земное существованіе и приходитъ въ ней къ сознанію всякій разъ, какъ только ея коснется извѣстное слово, которымъ пробуждаются дремлющія представленія. Здѣсь неясный намекъ на исторію человѣчества. Всѣ мы носимъ въ себѣ воспоминаніе о потерянномъ отечествѣ. Мы чувствуемъ себя какъ изгнанники, жаждущіе возвратиться на свою родину, изъ которой изгнаны. Вездѣ сопровождаетъ насъ жажда лучшей будущности, грусть какъ бы о потерянной родинѣ. Въ старости это чувство часто принимаетъ образъ грустнаго стремленія къ днямъ нашего дѣтства, но въ сущности это не есть стремленіе къ дѣтству нашей отдѣльной жизни, а къ дѣтству всего нашего рода. Чтѣо человѣческая природа имѣетъ въ себѣ хорошаго и благороднаго, ея идеи добра, ея нравственное стремленіе, ея высшія благородныя чувства,—это остатки прежняго величія. Всѣ мы бродимъ подъ этими развалинами. Они свидѣтельствуютъ о томъ, что было, и мы не произвольно чувствуемъ силу этого свидѣтельства. Человѣкъ не ангелъ и не животное, а падшее дитя Божіе. Онъ чувствуетъ свое паденіе. Онъ по крайней мѣрѣ спасъ воспоминаніе своего достоинства. Онъ ходитъ теперь какъ бы въ лохмотьяхъ, но этотъ нищій носилъ нѣкогда корону. По всему видно, что онъ родился царемъ. И можно ли удивляться, что онъ жаждетъ достигнуть своего царственнаго величія?

Св. Писаніе говоритъ: человѣкъ былъ приведенъ въ искушеніе и послушался своего Господа, пожелавъ запрещеннаго плода,—такимъ образомъ онъ сдѣлался грѣшнѣе и испорченъ до основанія. Развѣ это такъ удивительно! Это одно разрѣшаетъ задачу грѣха и поясняетъ фактъ нашей гибели.

Грѣхъ есть дѣло воли; онъ принадлежитъ поприщу духовной, нравственной жизни и, слѣдовательно, поприщу свободы. Мы не должны грѣшить, но грѣшимъ по собственному желанію; грѣхъ—фактъ, и не только фактъ, а свойство нашей воли, состояніе предшествующее фактамъ. Грѣхъ извратилъ нашу свободу и привелъ насъ въ состояніе, въ которомъ отъ перваго грѣха рождаются многіе другіе. Вслѣдствіе этого первоначальнаго факта мы сдѣлались грѣшными.

Хотя мы грѣшны, но не лишены возможности спасенія. Мы можемъ быть спасены и должны быть спасены. Мы не совершенно погибшіе, потому что не вполнѣ связаны съ грѣхомъ. Мы можемъ отъ него освободиться. Онъ не составляетъ одного съ существомъ нашимъ и не проистекаетъ изъ него, а только вошелъ въ него; онъ извнѣ пришелъ къ намъ. Мы обольщены, погибли отъ соблазна. Намъ утѣшительно сознавать, что мы обольщены; потому что въ этомъ заключается возможность нашего спасенія. Первоначальный грѣхъ лежитъ внѣ насъ, а не внутри насъ. Должна быть сила внѣ насъ и надъ нами, вслѣдствіе соблазна которой мы сдѣлались грѣшными. Это не есть могущество злаго примѣра; потому что откуда происходитъ самому злему примѣру? Это не есть просто только направленіе человѣческаго ума, потому что гдѣ же его начало? Это не есть могущество только исторіи, потому что какъ же бы оно сдѣлалось могуществомъ исторіи? Грѣхъ принадлежитъ поприщу свободы, а не необходимости, потому что онъ принадлежитъ уму и волѣ, и потому первое начало грѣха должно заключаться въ духовномъ могуществѣ свободы и въ фактѣ свободы, которымъ она сама сдѣлала грѣшиною свою волю. Писаніе называетъ эту духовную силу врагомъ Бога или сатаной.

Здѣсь предѣлъ нашему познанію, потому что это предѣлъ нашему опыту. Достаточно знать, что существуетъ зло

сверхъ силъ и возможности человѣческой. Тотъ находится въ зависимости его, кто попадаетъ въ зависимость грѣха. Грѣхъ нашъ заключается не только въ нашихъ узкихъ предѣлахъ, онъ имѣетъ связь съ царствомъ зла и духовной силой его. Тѣнь этого мрачнаго могущества западаетъ въ душу нашу.

Отъ этой силы палъ человѣкъ, какъ искупленный, но свободный. Это было дѣло послушанія искустителю; но то было дѣло свободной воли, что человѣкъ отказался отъ послушанія Господу. Дѣло это роковое.

Слѣдствія его вездѣ распространяются. Участь всѣхъ насъ порѣшилась дѣломъ начпнателя нашего рода, потому что оно не есть дѣло одного, а дѣло представителя всей совокупности человѣчества, а потому оно имѣетъ не индивидуальное, а всеобщее значеніе. Это все равно, что наше общее дѣло, потому что всѣ мы составляемъ большое единство, всякій таинственно включенъ въ цѣлое, никто не можетъ выдѣлить себя изъ него, и сказать: это до меня не относится. Понимаемъ-ли мы это или нѣтъ, признаемъ или возстаемъ противъ этого; но оно такъ: отношеніе того перваго дѣла распространяется на всѣхъ насъ. Это общій грѣхъ, принадлежащій всему роду смертныхъ. И мы ощущаемъ его. Поэты выражаютъ это ощущеніе; аскетизмъ кающихся есть выраженіе этого чувства обремененія грѣхомъ всей нашей жизни, и жертвы приносились не только за отдѣльные грѣховныя дѣла, но и за грѣхъ совокупнаго существованія. Назовите эту мысль темной, но по крайней мѣрѣ вы признаете, что она истинна. Но не забудемъ того, что существуетъ не только фактъ грѣха, который есть наше общее дѣло, но и фактъ спасенія, случившійся для всѣхъ насъ.

Всѣ мы испытываемъ послѣдствія этого факта, по силѣ грѣха, который въ себѣ носимъ; никто не можетъ отрицать ихъ. Нѣтъ никакого въ нашемъ быту истинно добраго отъ при-

роды; хотя Руссо и доказывалъ противное тому и на этомъ основалъ свои идеи реформаціи рода человѣческаго, но онъ самъ опровергъ свои положенія собственной жизнью своей. Кто не хочетъ признать, какіе мрачные духи гнѣздятся въ душѣ человѣка, тотъ дурно знаетъ вообще человѣка и самого себя.

Мы потеряли единство себя самихъ, гармонію существа нашего. Все существо наше проникаетъ глубокой раздоръ, раздоръ между знаніемъ и желаніемъ, между желаніемъ и тѣмъ, что мы можемъ. Этотъ внутренній разладъ нашего существа есть наше несчастіе. Въ новѣйшее время оно сильнѣе чѣмъ когда либо, потому что христіанство утратило время наивности; оно сдѣлало невозможнымъ обманъ самого себя. Рѣзкій свѣтъ его проникаетъ въ глубь нашей природы. Это горькое познаніе или исцѣляетъ насъ, или дѣлаетъ еще вдвое несчастнѣе.

Разсмотримъ только одно поприще новѣйшей духовной жизни, поприще новѣйшей поэзіи.

Начиная отъ Байрона до Гейне, весь общій новѣйшій лиризмъ проникнутъ тономъ этого новаго разлада. На поэзію смотрятъ какъ на преобразующую и спасающую силу жизни, и думаютъ, что ею возможно замѣнить религію и евангеліе. Но то, что мы слышимъ изъ устъ поэтовъ,—это трогательныя жалобы о грустномъ разладѣ. Эти жалобы не выдуманы, онѣ истина. Это не выраженіе болѣзненного настроенія, но свидѣтельство глубокой внутренней болѣзни. Это болѣзнь души нашей, потерявшей Бога.

То что дѣлаетъ человѣка столь злополучнымъ, есть разлука его съ Богомъ. Богъ долженъ быть все для насъ, и мы блаженны только въ Немъ: въ Немъ гармонія нашего существованія, Онъ истинное средоточіе нашей жизни. Но въ этомъ-то и состоитъ грѣхъ, что человѣкъ сдѣлалъ самого

себя средоточіемъ своего мышленія и желанія, что онъ все относитъ только къ себѣ и замыкается въ самомъ себѣ: «я есмь, я самъ, одинъ»—это слово Шекспировскаго Ричарда III, этого олицетвореннаго грѣха, есть исповѣданіе грѣха.

Съ давнихъ поръ существовалъ вопросъ: въ чемъ именно состоитъ сущность грѣха? Нѣтъ правильнѣе отвѣта на это, какъ слѣдующій: въ самолюбіи. Если сущность добродѣтели состоитъ въ любви къ Богу, въ приношеніи собственнаго я Богу святости и любви; то сущность грѣха заключается въ томъ, что мы отвергаемъ Бога, любовь нашего сердца, для которой мы созданы и которая составляетъ нашу благодать, и замѣняемъ Его собою и дѣлаемся сами кумиромъ нашего мышленія и желанія. Впрочемъ грѣхъ человѣка представляется намъ не всегда состоящимъ въ самолюбіи, а скорѣе какъ бы въ заблужденіи его сердца. Человѣкъ избралъ себѣ міръ преходящихъ благъ и радостей; въ нихъ онъ ищетъ успокоенія сердца своего и блага души своей. Черта любви его осталась, но онъ въ заблужденіи; онъ предался суетности вмѣсто вѣчнаго добра и блага всѣхъ благъ, которое есть Богъ. Если же мы хотимъ быть вполне честными въ отношеніи къ себѣ, то должны сказать: всѣ скоропреходящія блага этого міра, въ которыхъ мы желаемъ утолить жажду и голодъ души нашей, даже люди, которыхъ мы надѣляемъ такою любовью и часто такую страстную любовью,—всѣ они для насъ въ послѣднемъ смыслѣ только средства, а не цѣль. Мы любимъ не ихъ, въ нихъ мы ищемъ и любимъ только себя самихъ. Даже самая страстная любовь въ сущности не что иное, какъ эгоизмъ. Мы хотимъ самихъ себя во всемъ, чего мы хотимъ. Наше собственное я и удовлетвореніе его мы дѣлаемъ главною цѣлью нашей жизни, нашего мышленія, нашего желанія. Въ этомъ собственно заключается сущность нашего грѣха. Часто, можетъ быть, мы не сознаемъ этого, но хотя и бесзо-

знательно, въ сущности основаніемъ грѣха есть самолюбіе. И гдѣ только грѣхъ выступаетъ въ своемъ настоящемъ образѣ, онъ представляется въ видѣ самолюбія. Историческія величія въ области грѣха суть величія самолюбія.

Конечно, назначеніе наше состоитъ не въ отрицаніи или уничтоженіи самихъ себя. Какъ бы мы были способны на вѣчную любовь Бога, еслибъ мы не были личны и не имѣли собственного я? Но для того-то мы и личны, что любимъ Бога, воспринимаемъ Его въ себѣ и наполняемся Имъ. Онъ долженъ быть средоточіемъ всего существа нашего, цѣлью нашего совокупнаго мышленія и желанія. Это святое самолюбіе; но что мы внутренно удаляемся отъ Него, ставимъ себя самихъ на Его мѣсто, что мы прежде всего хотимъ не Его и все для Него, но себя и все для себя,—въ этомъ заключается грѣхъ самолюбія. Мы созданы для Бога, и въ Немъ существо наше находитъ свое единство, свое спокойствіе, свое благо. Безъ Него мы злополучны, мы теряемъ свое единство и спокойствіе, потому что мы созданы для того, чтобы въ Богѣ находить удовлетвореніе нашего нравственного существа. Въ насъ самихъ мы его не находимъ; когда мы любимъ только самихъ себя, мы бѣжимъ отъ себя и несчастны на единѣ съ собою. И тотъ упрямецъ, котораго изображаетъ Шекспиръ, не выносить собственного общества: онъ бѣжитъ отъ самого себя, онъ ненавидитъ себя. Не нужно быть Ричардомъ III, чтобы испытать подобное.

Въ новѣйшее время процвѣтаетъ гуманность, выраженіе которой—гармоническое развитіе существа человѣческаго. Конечно гармонія существа нашего—наша задача, но существуетъ-ли она въ дѣйствительности? Она никогда не существовала и менѣе всего въ настоящее время. Говорятъ, что наше время напоминаетъ время римскихъ цезарей. Я то-же думаю. Историкъ того времени, какъ вы знаете, былъ Гацитъ.

Кому извѣстны его сочиненія, тотъ знаетъ, что на устахъ его играетъ улыбка презрѣнія къ человѣку. Я часто замѣчалъ, что презрѣніе къ человѣку возрастаетъ по мѣрѣ того, какъ возрастаетъ знаніе человѣка. И мы говоримъ о гармоническомъ существѣ человѣка! Дѣйствительно мы до тѣхъ поръ не найдемъ спокойствія, пока не достигнемъ нравственной гармоніи существа нашего. Но какъ ея достигнуть? Развѣ дисгармонія наша можетъ породить изъ себя гармонію? Только Богъ можетъ подарить ее намъ, потому что Онъ есть цѣль опредѣленія нашего и въ Немъ душа наша находитъ единство и спокойствіе.

Это правда, человѣка окружаетъ нѣчто удивительное. Нѣтъ ничего могущественнѣе человѣка, и все же—что мы такое? Рабы смерти, рабы грѣха. Мы носимъ въ себѣ раздоръ и не можемъ освободиться отъ него. Мы знаемъ добро, но не хотимъ его, а если и хотимъ, то не дѣлаемъ его: въ этомъ заключается потрясающая жалоба апостола Павла, которая нашла отголосокъ въ столькихъ тысячахъ душъ.

Мы прославляемъ силу воли. И я никогда не рѣшусь говорить противъ этой силы воли: намъ нужно усиливать нашу волю, а не ослаблять ее, но дѣйствительно ли воля наша заключаетъ въ себѣ самой силу освободиться отъ грѣха? Съ давнихъ поръ для многихъ составляло камень преткновенія въ церковномъ ученіи то, что оно говоритъ, что человѣкъ самъ по себѣ не способенъ на истинное добро; людямъ защищающимъ достоинство человѣка, но не изслѣдующимъ предмета со всѣхъ сторонъ, это казалось поправіемъ нравственной природы человѣка и униженіемъ принадлежащего ему достоинства. Конечно, если христіанство нельзя оправдать иначе какъ несправедливымъ униженіемъ человѣка, то мы лучше откажемся отъ всякаго оправданія. Но мы не унижаемъ, а возвышаемъ человѣка, потому что мы не удовле-

творяемся низшей степенью нравственности; мы прилагаемъ высшее мѣрило нравственности, мы поставляемъ челоѣку высшую нравственную цѣль, потому что онъ созданъ для нея. Тѣ унижаютъ и низвергаютъ челоѣка, которые учатъ его удовлетворяться низшей степенью нравственности и видѣть въ ней главную цѣль своихъ стремлений. Конечно, если понимать высшую нравственность, какъ обыкновенную честность гражданской жизни, то ея челоѣкъ можетъ достигнуть. Но все-ли это? Въ этомъ-ли состоитъ вся задача челоѣка? Кто не поставляетъ своей цѣли выше гражданской честности, тотъ унижаетъ челоѣка. Все-ли въ томъ заключается, чтобы не дѣлать зла? Это еще не значить дѣлать добро, а тѣмъ менѣе—быть добрымъ.

Мы можемъ владѣть собою, но самообладаніе не измѣняетъ нашихъ склонностей и не очищаетъ нашего сердца. Это была бы низкая степень нравственности, еслибъ она не шла выше самообладанія. Мы можемъ преклониться предъ повелѣніемъ нравственнаго закона, но это не есть соединеніе свободной воли съ закономъ; а между тѣмъ въ немъ одномъ только и состоитъ истинная нравственность, потому что нравственность, составляющая принужденіе, хотябы принужденіе и по собственной волѣ, не есть нравственность въ истинномъ смыслѣ слова. Нравственность существуетъ тамъ, гдѣ есть свобода, внутренняя свобода воли,—не побѣда долга надъ сердцемъ, а свободное соединеніе сердца съ долгомъ. Истинная нравственность есть любовь. Кантъ основалъ нравственность на повелѣніи долга, но для любви онъ не имѣлъ мѣста въ своей системѣ. Конечно, все остальное можно повелѣть, любви же повелѣть нельзя; она свободнѣе всего, и все же она одна есть истинная нравственность. *Возлюбимъ Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ, и всею душою, и всею мыслію твою, и ближнаго твоего какъ самого себя—*

вотъ нравственность, которую понимаетъ ученіе церкви и св. Писаніе; объ ней-то мы и говоримъ, что человѣкъ не въ состояніи выполнить ее самъ по себѣ. Это сверхъ силъ его. Мы можемъ чувствовать, что мы связаны внутренно, можемъ жаловаться на оковы грѣха, которыя все же намъ милы, можемъ жадать свободы; но сами освободиться не можемъ, потому что сами не можемъ измѣниться въ существѣ своемъ. Сколько-бы мы ни дѣлали добра, истинно добрыми отъ этого не будемъ. Кто въ состояніи вырвать изъ груди своей корни самолюбія!

Если мы говоримъ такъ, то не унижаемъ человѣка; нѣтъ, мы указываемъ ему высшую цѣль. Но мы доказываемъ одинъ фактъ; фактъ этотъ—могущество грѣха, отъ котораго мы не можемъ освободиться иначе, какъ съ помощію божественной силы. Но грѣхъ есть не только сила обладающая нами, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вина наша. Онъ не только страданіе, которое мы испытываемъ, не только зло, которое мы несемъ; онъ дѣло свободы нашей. Мы отвѣтственны въ немъ, совѣсть наша дѣлаетъ насъ отвѣтственными въ немъ: онъ вина наша.

Въ новѣйшее время дѣлали опытъ устранить съ точки зрѣнія статистики вопросъ о винѣ; хотѣли доказать, что въ самыхъ повидимому свободныхъ и произвольныхъ поступкахъ господствуетъ извѣстная законность и правильность. Итакъ слѣдовательно здѣсь господствуетъ естественный законъ, а не свободное самоопредѣленіе воли. Особенно старались доказать законность самоубійства. Число самоубійствъ показываетъ извѣстную равномерность; оно, говорятъ, съ какою-то, будто напередъ рассчитанною, правильностію распределяется по различнымъ отраслямъ народа въ извѣстный кругъ времени. Но развѣ изъ этого слѣдуетъ, что фактъ этотъ вмѣстѣ съ тѣмъ перестаетъ быть дѣломъ свободнаго рѣшенія. Только

то изъ этого слѣдуетъ, что есть извѣстныя причины, вызывающія его, такъ что онъ перестаетъ быть дѣломъ чистаго произвола, и что причины эти, заключаются ли онѣ во внѣшнихъ обстоятельствахъ, или естественныхъ началахъ, распределены различно; но этимъ рѣшеніе воли, опредѣляющееся этими причинами, не лишено отвѣтственности. Съ какихъ поръ считаютъ свободу произволомъ? Представимъ примѣръ. Въ 1847 году замѣчено было сравнительно меньшее число браковъ. Почему? потому что дороговизна хлѣба съ ея различными послѣдствіями затрудняла обзаведеніе хозяйства. Это было дѣломъ соображенія одного лица. Развѣ изъ-за этого рѣшеніе перестало быть фактомъ свободы? Здѣсь тоже самое. Въ преступленіяхъ главнымъ опредѣляющимъ условіемъ являются не внѣшнія причины, а нравственное свойство воли и степень ея нравственной силы или свободы, а свобода всегда подлежитъ нравственному суду отвѣтственности. Правда, само нравственное свойство воли не лишено зависимости отъ внѣшнихъ обстоятельствъ, въ которыя человѣкъ бываетъ поставленъ часто помимо воли своей, и сила искушенія, которую внѣшнія обстоятельства оказываютъ на нашу искушающуюся природу, различна: что же изъ этого слѣдуетъ? Что ходъ человѣческихъ вещей есть не только дѣло нашей воли, а что имъ управляетъ высшая рука. Но кто скажетъ, какъ одно съ другимъ сходится—человѣческая свобода и божественное управленіе? Это великая задача исторіи, которую мы никогда вполнѣ не разрѣшимъ. Довольно того, если мы будемъ знать, что одно другаго не уничтожаетъ. Свобода не уничтожается тѣмъ, что существуетъ законность въ ходѣ человѣческихъ дѣлъ; изъ того, что Богъ управляетъ міромъ, не слѣдуетъ, что человѣческая воля перестаетъ быть самодѣтельной. Одно—точно такъ же фактъ, какъ и другое. Понимаемъ-ли мы или нѣтъ, какъ одно съ другимъ соединяется,—самый фактъ не

зависитъ отъ этого. Внутри насъ мы носимъ сознание отвѣтственности нашей, и сознание это такой же фактъ, какъ и всякій другой, а по внутреннему опыту всѣхъ насъ оно такъ же ясно уму нашему, какъ и всѣ числа статистики. Никогда этой послѣдней не удастся убѣдить насъ, что мы не отвѣтственны въ нравственныхъ дѣлахъ нашей воли.

Сознание отвѣтственности основано на сознании нравственной противоположности между добромъ и зломъ; никакая софистика не убѣдитъ насъ и не заставитъ думать, что добро и зло равны между собою.

Есть новѣйшее направленіе; оно особенно господствуетъ во Франціи и у насъ нашло своихъ послѣдователей; оно устранило мѣрило нравственнаго сужденія (высочайшее и достойнѣйшее въ человѣкѣ), и замѣнило его пониманіемъ побуждающихъ причинъ и связи ихъ. То, что намъ кажется дурнымъ, говорятъ, кажется намъ такимъ тогда, когда мы его изолируемъ и рассматриваемъ само по себѣ. Въ общемъ же все необходимо и все хорошо, нужно его только понимать, чтобы признавать. Все понимать—значитъ все оправдывать. Все справедливо, потому что оно существуетъ. Къ чему ведетъ эта теорія? Къ признанію простаго ряда слѣдствій. Въ такомъ случаѣ, что удастся, то нравственно, а что не удастся, то безнравственно. Это значитъ проповѣдывать не только логику фактовъ, но и безусловное оправданіе ихъ. Въ такомъ случаѣ нѣтъ болѣе постыдныхъ дѣлъ въ исторіи, и нравственное чувство не имѣетъ права ничѣмъ возмущаться, и совѣсть должна умолкнуть, и конецъ всего есть торжество грубаго насилія. Тогда Неронъ то же, что и апостоль Павелъ, и чудовища французской революціи то же, что и благороднѣйшія жертвы ея. Это значило бы судить объ исторіи съ точки зрѣнія раба, который не знаетъ высшаго авторитета, какъ авторитетъ своего господина, это значило бы уличать

во лии наше нравственное чувство и отрицать лучшее въ насъ. Все мы подъ часъ способны на унижительныя искушенія, низкія побужденія и мысли, и развѣ мы ихъ поставимъ на ряду съ благороднѣйшими чувствами и намѣреніями? Это значило бы позорить самихъ себя. Тогда раскаяніе было-бы глупостью; потому что зло не существовало-бы, но покуда будетъ существовать совѣсть на землѣ, не уничтожится и протестъ противъ такого ученія. И покуда будетъ любима святость—будетъ ненавидимъ порокъ, и никогда мы не перестанемъ употреблять въ языкѣ своемъ выраженія: добро и зло, добродѣтель и порокъ, нравственность и грѣхъ, честь и позоръ, какъ противорѣчія. Они никогда не сдѣлаются устарѣлыми выраженіями прошедшаго времени.

По пока мы будемъ различать добро и зло, до тѣхъ поръ будемъ считать виною то зло, которое мы хотимъ или дѣлаемъ, потому что если все судьи замолчатъ, одинъ не умолкнетъ—это совѣсть. Обвиненіе ея преслѣдуетъ всякаго виновнаго, дѣлаетъ жизнь его злополучной и превращаетъ счастье его въ несчастье.

Тацитъ сохранилъ намъ начало письма, которое императоръ Тиверій писалъ въ сенатъ. Ничего не можетъ быть мрачнѣе этихъ словъ, но эти мрачныя слова продиктовала ему виновная совѣсть. Она-то и произноситъ судъ раньше суда. Въ иное время чувство вины и божественнаго гнѣва какъ бы пробуждается съ особенною силою. Языческій писатель Плутархъ написалъ особое сочиненіе «о богобоязни», въ которомъ онъ въ трогательныхъ словахъ рисуетъ страхъ души и чувство божественнаго проклятія, которое въ свое время тронуло многихъ и сдѣлало ихъ несчастными. Средневѣковыя бичеванія, въ 13 и 14 столѣтіяхъ въ верхней Италіи и Германіи увлекавшія тысячи къ этимъ жестокимъ выраженіямъ покаянія,—проявленія, хотя и слабыя, живо возбужденнаго

чувства вины: само же оно независимо отъ измѣненій времени и его настроенія, потому что нравственное сознаніе независимо отъ этого, оно принадлежитъ свойству людей. Его сила и истина—мѣрило для нравственной истины человѣка; здѣсь точка, съ которой Богъ начинаетъ свое дѣло спасенія въ человѣкѣ, но здѣсь же и мѣсто внутренней муки, которая можетъ сдѣлаться адомъ для человѣка.

Поэты наши истощились въ самыхъ мрачныхъ изображеніяхъ несчастій виновной совѣсти. Возьмите, напр., Ленау: вездѣ вы встрѣтите эту жалобу и напрасную жажду забвенія. Просмотрите Платона: къ его трогательнѣйшимъ стихотвореніямъ принадлежатъ изображенія виновнаго; а когда Гете въ своемъ Вильгельмѣ Мейстерѣ заставляетъ пѣть стараго Гарфнера, тотъ поетъ о несчастіи виновнаго.

А кто свободенъ отъ вины? Жизнь вездѣ не безъ вины, потому что она вездѣ не безошибочна. Когда великіе драматурги, языческіе и христіанскіе, представляютъ намъ въ картинѣ сцѣпленіе судьбы человѣческой, то грѣхъ въ ней составляетъ завязку. Безвиный герой не былъ бы героемъ драмы. Это значитъ: несчастіе въ жизни не бываетъ безъ вины; она наслѣдіе всѣхъ смертныхъ, потому что всѣ мы различно грѣшили и грѣшимъ, потому что всѣ мы грѣшили противъ Бога. Его святѣйшая справедливость обвиняетъ насъ, и судъ ея встрѣчаетъ отголосокъ въ совѣсти нашей. Вотъ это-то и дѣлаетъ вину нашу тячайшимъ бременемъ, сгибающимъ насъ и ослабляющимъ силу поступковъ нашихъ. Глупо говорить, что путь вины есть путь свободы,—что мы находимъ у нѣкоторыхъ философовъ и поэтовъ. Ничто не отягчаетъ такъ сильно нравственную силу дѣйствій, какъ обремененная виною совѣсть; только свободная совѣсть даетъ отраду. И тотъ, кто желаетъ побѣдить будущее, долженъ быть чистъ въ своемъ прошедшемъ. Вина отнимаетъ силу, потому что она дѣлаетъ человека несчастнымъ.

Многое дѣласть насъ несчастными, но ничто не можетъ сдѣлать насъ несчастіе вины. Много есть золь въ жизни, но нѣтъ зла, худшаго вины. Мы можемъ жаловаться на нихъ, но ни одно не заслуживаетъ такой жалобы, какъ вина. Но что поможетъ жалоба, когда нѣтъ спасенія? Да, если бы намъ указать на самихъ себя, я не нашелъ бы его; но если есть Богъ, то есть и помощь. Чувство бѣдствій нашихъ и жалоба на грѣхъ есть сила, призывающая помощь съ неба, но помощь эта можетъ назваться только милосердіемъ.

(Продолженіе будетъ).

